

Глава 1

Б раннего утра киевлян не пускали на Боричев съезд и гнали с берегов Почайны от Перунова моста до самого ее впадения в Днепр. Шибко упрямых и несговорчивых стегали плетьюми и охаживали древками копий так, что иных уносить на руках доводилось, потому что сами идти уже не могли. Торговцев и рыболовов, которые надеялись отсидеться на реке, теснили княжескими ладьями, отгоняя на версту, а то и на полторы вниз или вверх по течению.

И хотя одно и то же повторялось из года в год каждое лето, находилось в Киеве много недовольных, которые не только ворчали и ругались, но и кидались из-за заборов в служивых кто кизяками, а кто камнями. Однако и они дали деру, когда ратники пошли по дворам с обнаженными мечами, грозясь перебить всех бунтовщиков. И когда дорога окончательно опустела, по ней из града потянулся целый поезд из повозок и всадников, числом до трех сотен людей княжеского рода, приближенных и дворни. Хватало здесь также греческих и византийских богомольцев в черных ризах, ибо князь Всеволод Ярославич был ревностным христианином, Священное Писание на пяти языках читал и одежды носил диковинные, в здешних землях невиданные.

Еще крепкий и не сильно раздобревший в свои пятьдесят лет, он ехал верхом на горячем коне в сопровождении верных воевод. На кудрявой, коротко остриженной

голове его блистал золотой венец, надетый по случаю выезда, чтобы у подданных и тени сомнений не возникло в том, что перед ними любимый сын Ярослава Мудрого, славный правитель Киева, князь всея Руси, как повелел он величать себя после того, как избавился от опеки старших братьев (от самих братьев тоже) и утвердился на престоле. Густая борода доходила Всеволоду до середины груди, плащ его был расшит золотом и покрывал коня на манер шелковой попоны. То, как он покачивался в седле, выдавало в нем хорошего наездника, хотя, воцарившись в Киеве, он редко покидал терем, посвящая все свободное время чтению книг, свозимых отовсюду, где только удавалось их достать.

Молодая княгиня Анна с детьми ехала в возке, обтянутом кожей, чтобы солнце не слепило глаза и не темнило кожу. В молодости была она вылитой половчанкой со смоляными косами и узкими, словно бы вечно прищуренными глазами, но по прошествии лет внешность уроженки степей как бы сгладилась, приобрела сходство с окружающими женскими лицами, точно переняв у них выражение и черты.

Дети, рожденные Анной от Всеволода Ярославича, уже несколько не походили на половцев, как будто боги не желали, чтобы на них выливалась извечная ненависть русов к степнякам. Шестилетний Ростислав был белобрыс и розовощек, как любой другой здоровый киевский малец его возраста. Его старшая сестра Евпраксия обращала на себя внимание большими глазами, тонким прямым носом и сочными губами, всегда выглядевшими так, будто она только что полакомилась спелыми вишнями. Ей было семь, и она, возмнив из себя взрослую, старалась опекать братца, подсовывала ему сладкое и учила уму-разуму. Сидя на полу возка с Ростиславом, Пракся, как звали ее близкие, показывала мальчику, как глиняный

медведь отбивается от целой своры охотничьих собак, которыми служили сосновые шишки.

— Вот вам, вот вам! — приговаривала она, ударяя медвежьей лапой по разлетающимся шишкам и успевая при этом издавать рычание и даже разноголосый лай.

— Будет вам, будет! — урезонила детей Анна. — Подъезжаем уже. Вон она, река, смотрите.

Бросив игрушки, Ростик и Пракся забрались на лавку с ногами и, толкаясь, высунули головы из окошка. Дорога проходила через песчаник, колеса водило из стороны в сторону, белая пыль вздымалась облаком, заставляя жмуриться и морщиться. Но река действительно была видна под горою и одним своим прохладным блеском радовала глаза и сердце.

— Ох и наплаваюсь я сегодня! — пообещал Ростислав, жадно глядя на водную гладь за зелеными верхушками деревьев. — Меня дядьки выучили. И саженками, и пособачьи.

— И по-рачьи, — засмеялась Евпраксия. — Под водой, задом наперед.

— Смейся, смейся! Это тебя завидки берут, что ты только лягушкой плавать можешь.

— Врешь, Ростик! Я по-всякому могу, вот увидишь.

Возок запрыгал на промоинах, прорезавших дорогу во время недавнего ливня. Гридни придерживали лошадей, чтобы не сильно пылить на господ. Черные рясы монахов сделались серыми.

На берегу возле свежесрубленных купален дежурила сотня спешившихся дружинников, остальные, растянувшись цепью, сторожили дорогу и склоны, не позволяя спуститься злоумышленникам и просто черни. Весь цвет Киева собрался подле Почайны, так что бдительность была не лишней.

Ветер раздувал полотнища, развешанные между срубов и мостков, чтобы заслонять купальщиков от нескромных

и просто любопытных взглядов. На песке сохли охапки речной травы, вытащенной из воды, чтобы не раздражала нежную кожу княгинь и боярынь. Они заняли три средние купальни, готовясь к долгожданному омовению. Одни стыдливо прикрывались, смущаясь своей наготы, другие, наоборот, выставляли животы, зады и груди напоказ, предлагая завидовать своим прелестям.

Евпраксия опасливо косилась по сторонам, как всегда слегка ошеломленная обилием мохнатых лобков, бесстыдно выставленных подмышек, растянутых розовых сосков и пупков, глубоких, как паучьи норы. Она и хотела стать взрослой, и страшилась этого. Взрослые женщины, оставаясь наедине друг с дружкой, становились не в меру смешливыми и развязными, а от их шуток и прибауток уши сворачивались в трубочки, будто листья на жару.

Не дожидаясь, пока мать закончит разоблачаться и накинёт короткую холщовую рубаху, девочка выскользнула из купальни и побежала по теплым доскам на помост, где была перехвачена нянькой Лушкой в подоткнутой нижней юбке.

— Погоди, княжна! — заволновалась она, растопырив руки, как если бы ловила вырвавшегося на свободу курчонка. — Без теток в реку нельзя. Я плавать не умею.

Проскочив под вытянутой рукой, Евпраксия, заливаясь звонким смехом, с разбегу прыгнула в воду. Ласковая прохлада объяла ее тельце с ребристыми боками и поджарым мальчишечьим задом. Босые пятки коснулись песчаного дна, пружинисто оттолкнулись и вынесли юную княжну на поверхность, будто юркого малька, спасающегося от хищной рыбыны. Раздвигая зеленоватую воду, усеянную тополиным пухом, Евпраксия поплыла на глубину, не оборачиваясь на призывные крики девки, бегающей по помосту с заломленными руками.

Волнения были напрасны. Во-первых, плавала Евпраксия хорошо, держась на воде что твой поплавок. Во-вторых, напротив купален была протянута веревка, за которую детям заплывать строго-настрога запрещалось. Вот вдоль нее и плыла Евпраксия, пока чуть не столкнулась с Ростиславом, тоже вырвавшимся на свободу раньше взрослых.

— Гляди! — прокричал он. — Вот как я могу!

Его руки заработали на манер мельничных лопастей, поднимая тучи брызг. Наткнувшись на веревку, он поднырнул под нее и поплыл дальше.

— Ростик! — позвала Евпраксия. — Ты куда? А ну, воротись!

Брат не слышал. Бахвалясь своим новым умением, он нарезал воду саженками, отдаляясь все дальше и дальше. Евпраксия в растерянности оглянулась. Перепуганная девка уже не металась по помосту, а втолковывала что-то гридням на берегу, указывая пальцем на реку. Из загоронок выходили женщины и мужчины в рубахах по колено. Вот появился отец, чресла его крупного, слегка оплывшего тела были обмотаны полотном. Он увидел дочь и помахал ей рукой, усмехаясь.

Она повернула голову и ужаснулась тому, как далеко находится Ростислав. Мальчик уже не размахивал руками, но продолжал отдаляться, уносимый течением.

Недолго думая, Евпраксия окунулась с головой, чтобы разминуться с веревкой, и устремила следом за братом, изо всех сил ударяя по воде руками и ногами. По мере того как река относила ее от берега, у нее все сильнее и сильнее захватывало дух. Оглянувшись, девочка обнаружила, что купальни сделались маленькими, как игрушечные ларчики, а лица взрослых, столпившихся там, были уже неразличимы. Несколько человек плыли к ней и Ростиславу, торопливо вскидывая руки, но находились еще